

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

SCIENTIFIC HERITAGE

Новиков А.И.^{1,2,3}

СЕМЬ ДИХОТОМИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ

NOVIKOV A.I.
THE SEVEN DICHOTOMOUS ATTRIBUTES

Смысл относится к тем загадочным явлениям, которые считаются как бы общеизвестными, поскольку постоянно фигурируют как в научном, так и обыденном общении. На самом деле он не только не имеет сколько-нибудь строгого общепринятого определения, но и на описательном уровне существует большой разброс суждений о том, что это такое. Иногда допускается, что смысл принадлежит к тем наиболее общим категориям, которые не подлежат определению и должны восприниматься как некоторая данность. В настоящее время в связи с необходимостью решения целого ряда актуальных задач как теоретического, так и прикладного характера, где понятие смысла имеет ключевое значение, требуются определенные уточнения данного понятия.

---

¹ © Институт языкознания РАН, 2007

© М.М. Новикова, 2007

© Н.В. Васильева, Н.М. Нестерова, Н.П. Пешкова, 2007

² Статья печатается по изданию: *Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. – Москва : Институт языкознания РАН, 2007. – С. 162–175.

³ Согласие правообладателей на перепечатку статьи получено.

Онтология смысла приобретает особую значимость в связи с теми изменениями в понимании объекта, предмета и задач лингвистики, которые уже произошли и продолжают происходить в настоящее время. Если в период, когда доминировала абсолютизация языка как самодостаточной автономной сущности, смысл часто выступал лишь как некоторое факультативное явление, находящееся на периферии интересов исследователей, то при обращении к речи, тексту, дискурсу смысл начинает фигурировать как одна из наиболее фундаментальных категорий.

Известно, что предпринимались неоднократные попытки исключить смысл из сферы научного анализа. Следует отметить, что для этого имеются определенные основания. Одно из них связано с представлением о смысле как экстралингвистическом явлении. В этом легко убедиться, если обратиться к тем определениям данного явления, которые даются в некоторых толковых словарях.

Наиболее общим признаком, содержащимся практически в каждой дефиниции данного понятия, является его отнесенность к ментальной, а не языковой сфере. Согласно таким определениям, это «внутреннее содержание, значение, постигаемое разумом...» (Словарь русского языка 1987), «разум, рассудок, внутреннее логическое содержание, постигаемое разумом...» (Словарь русского языка 1984), «идеальное содержание, идея, сущность...» (Советский энциклопедический словарь 1980) и др. Другим основанием, по которому выделяется данное понятие, являются характеристики, связанные с деятельностью сознания: «разумное основание, назначение, цель, резонная причина...» (Словарь русского языка 1984), «цель, разумное основание...» (Словарь русского языка 1987), «предназначение, конечная цель (ценность) чего-либо...» (Советский энциклопед. словарь 1980) и др. Все это, несомненно, имеет отношение к экстралингвистическим явлениям: «смысл события, смысл происходящего, смысл поступка, смысл жизни» и др. Примечательно, что в Лингвистическом энциклопедическом словаре отдельная статья, посвященная смыслу, отсутствует вообще (Лингвистический энциклопедический словарь 1990). Возможно, это связано с оценкой составителями словаря данного понятия как не имеющего прямого отношения к языкознанию.

Из отмеченных выше словарей собственно языковой аспект смысла отражен лишь в Советском энциклопедическом словаре,

где он рассматривается как частный случай, как одно из значений. Приведем это определение полностью: «Смысл – идеальное содержание, идея, сущность, предназначение, конечная цель (ценность) чего-либо (смысл жизни), целостное содержание какого-либо высказывания, не сводимое к значениям составляющих его частей и элементов, но само определяющее эти значения... в логике, в ряде случаев в языкознании то же самое, что значение» (Советский энциклопед. словарь 1980).

Лингвистический аспект смысла представлен также в Логическом словаре-справочнике: «Смысл – содержание знакового значения; мысль, содержащаяся в словах (знаках, выражениях)...» (Логический словарь-справочник 1975).

Экстралингвистический характер смысла раскрывается в ряде работ, принадлежащих не только лингвистам, но и логикам, философам.

Как видно из приведенных выше определений, понятие смысла, помимо экстралингвистичности, характеризуется также тем, что включает в себя широкий круг различных явлений от смысла жизни до смысла «знакового выражения». Это является другой причиной, затрудняющей его однозначное определение. Не способствует этому также и то, что смысл характеризуется нечеткостью, вариативностью, изменчивостью, субъективностью, вследствие чего он практически неформализуем и, что самое главное, он плохо поддается непосредственному наблюдению. С.С. Гусев и Г.Л. Тульчинский, обращаясь к проблеме смысла, приводят слова американского психолога М.Б. Крилмана, достаточно четко характеризующие данную ситуацию: «...смысл, подобно загадочной Золушке, остается по-прежнему нераспознанным и неуловимым. Возможно, что одна из трудностей здесь кроется в том, что разные поклонники этой Золушки представляют ее каждый по-своему и ее многоликость увлекает их на поиски ее различных проявлений... Одни сосредоточивали свое внимание на ее интеллектуальных качествах, другие же воображали ее чувствительной и эмоциональной. Были и такие, кто, смирившись с окутывающей ее тайной, заранее согласились, что она по сути своей... недоступна и непонятна» (Гусев, Тульчинский 1985, 43).

Таким образом, скептицизм со стороны ученых по отношению к смыслу не лишен определенных оснований. Но больше осно-

ваний имеется все же для того, чтобы в результате интенсивных исследований приблизиться к пониманию сущности этого нечеткого, загадочного и постоянно ускользающего от наблюдения явления. Такая необходимость становится тем более ощутимой, чем к более высокому уровню принадлежат исследуемые единицы. Об этом свидетельствует, например, опыт некоторых дескриптивистов, в свое время принципиально отказавшихся от обращения к значению языковых форм, а следовательно, и от смысловой стороны языка. Но этот принцип более или менее удавалось реализовывать лишь тогда, когда анализировались элементарные единицы на фонологическом уровне. Но уже при переходе к уровню морфем, имеющих двусторонний характер, к их дистрибуции потребовалось обращение к смысловой стороне языка.

В настоящее время о смысле говорят применительно практически ко всем уровням языковых единиц как об одной из наиболее важных составляющих их семантики. При этом чем более высоким является уровень единиц (предложение, текст, дискурс), тем более значимым становится смысловой компонент в их семантической сфере. Считается, что смысл здесь выполняет функцию значения, поскольку значения в обычном их понимании у такого рода единиц отсутствуют.

На уровне порождения именно смысл программирует отбор и распределение языковых единиц и тем самым задает ту или иную форму предложения или текста. При понимании смысл также играет существенную роль, будучи не только результатом его декодирования, но и средством такого декодирования. Другими словами, необходимость смысла возникает там, где существует необходимость понимания, предполагающего осмысление. Но осмысление необходимо в случае восприятия не только текста, но и действительности: материальной, ментальной, социальной и других ее форм. Именно поэтому категория смысла характеризуется таким широким диапазоном сфер приложения. В связи с этим вполне естественно, что смысл – это интердисциплинарное явление. Он интересует, помимо лингвистики, и логику, и философию, и психологию. Несмотря на то, что в центре пересечения интересов этих дисциплин находится язык с его отнесенностью к мышлению, с одной стороны, и к действительности – с другой, каждая из этих дисциплин усматривает в данной проблеме все же свой

интерес. В результате, как уже отмечалось, представление о смысле характеризуется таким большим многообразием и неоднозначностью, что складывается впечатление, как будто речь идет о каких-то разных явлениях, но почему-то называемых одним именем. Тем не менее есть основание считать, что во всех случаях, где рассматривается смысл, речь идет все же об одном и том же явлении. Задача заключается в том, чтобы найти то глубинное, наиболее общее основание, которое позволило бы интегрировать различные расплывчатые характеристики смысла в более четкое и определенное понятие.

Не претендуя на исчерпывающий анализ проблемы смысла, рассмотрим некоторые работы, являющиеся, с нашей точки зрения, наиболее характерными для данной проблематики.

Существенный вклад в исследование проблемы смысла внесла так называемая «аналитическая философия», берущая начало от Б. Рассела и Л. Витгенштейна, которая поставила задачу логического анализа языка. Заслуга такого логического подхода заключалась в четком различении обозначаемых предметов (денотатов), их имени и смысла, как способа обозначения этих предметов. Как известно, различие смысла и значения восходит к одному из представителей данного направления Г. Фреге (Фреге 1977).

Совсем с другой стороны к проблеме смысла подошла философия в ее феноменологическом варианте, где во главу угла была поставлена личность, осмысливающая мир, понимающая и делающая свой смысловой выбор. Однако достаточно конкретного определения смысла здесь не было сформулировано. Г.А. Чупина, анализируя взгляды Г. Гуссерля, приходит к выводу, что для него смысл – это актуальная ценность, значимость предмета для субъекта. Отсюда следует, что смыслы функциональны: предмет, поступок, действие, высказывание приобретают смысл в рамках целого – жизненной ситуации и – шире – жизнедеятельности человека, если это оказывается значимым для ее самосохранения, развития (Чупина 1994).

Ценность, значимость как важнейшие признаки лежат в основе определения смысла и в работах современных отечественных философов. Сюда прежде всего относится работа С.А. Васильева, в которой рассматривается проблема синтеза смысла при создании и понимании текста (Васильев 1988). Автор считает, что прекрас-

ной аналогией для смысла является ценность. Для иллюстрации данного утверждения он приводит следующий пример. Деньги имеют ценность, не зависящую ни от веса, ни от размера купюры. Как только их отказываются принимать и обменивать на товары, они теряют свою ценность, не утратив при этом ни одного из своих материальных свойств.

С.А. Васильев различает предметный смысл и текстовый. Предметный смысл связывается им с механизмом вычленения, осознания предметов реальной действительности. В связи с этим основу смысла, по мнению автора, составляет способность устанавливать тождество и различие. «Вещи неразличимы, если имеют для человека равный смысл, как неразличимы штампованные экземпляры одной и той же детали» (Васильев 1988, 96).

С.А. Васильев выделяет несколько составляющих смысла. Одной из таких составляющих является предметная объективация человеческого опыта в виде знания о данном предмете. Но оно, по мнению автора, образует лишь наиболее общую составляющую смысла, интересую субъектную по своему источнику, имеющую общечеловеческую ценность. Помимо этого смысл содержит и такие компоненты, которые выражают жизненные установки ее носителей, их особые отношения к предметному миру. Эти две составляющие смысла лежат в основе межиндивидуального общения, а потому откладываются в их сознании и фиксируются как устойчивые, повторяющиеся компоненты, постоянно воспроизводимые в речи. Кроме того, в состав смысла входит индивидуальный опыт, глубоко личностные отношения индивида к предмету и возникающие отсюда ожидания, привязанности, эмоции, памятные ассоциации, которые выделяют данный предмет из множества похожих на него.

Все это составляет, по терминологии автора, «смысл-ценность, который имеет отношение не только к предметному миру, но и реализуется на уровне текста, составляя один из его смысловых уровней. Другой уровень текста составляет «смысл-сообщение», т.е. то, что хотел сказать автор.

Все это позволяет автору сделать вывод о том, что заключенный в тексте «смысл-сообщение» является специфическим свойством, отличающим его от всех прочих предметов, которые текстами не являются, а «смысл-ценность», который текст при-

обретает вследствие включенности его в систему жизнедеятельности человеческого общества, наоборот, сближает его с другими предметами, делает его элементом того предметного универсума, в котором разворачивается вся человеческая жизнь.

Характеризуя «смысл-сообщение», С.А. Васильев обращает внимание на одну очень существенную его особенность. Он задается вопросом: за счет чего смысл целого высказывания оказывается всегда больше суммы значений, образующих его слов? В связи с этим он анализирует фрагмент романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», в частности слова Максима Максимыча, характеризующие поведение Печорина: «...ставни стукнут, он вздрогнет и побледнеет; а при мне на кабана ходил один на один...». Автор отмечает, что приведенные слова сами по себе не воссоздают смысл поведения героя. Он считает, что здесь «говорит» само поведение, сам поступок: пугливость, храбрость... Как бы мы эти слова не сочетали, мы никак не получим значения пугливости, храбрости. Союз «а» здесь противопоставляет смысл не двух частей фразы, а двух способов поведения, которое мы истолковываем на основе нашего индивидуального и усвоенного коллективного опыта. В результате автор делает чрезвычайно важный для понимания природы смысла вывод: «Здесь происходит использование невербальных средств в вербальном тексте» (Васильев 1988, 98). Это, во-первых, свидетельствует об экстралингвистическом характере смысла, во-вторых, о том, что он является внешним по отношению к тексту, поскольку связан с актуализацией прошлого опыта, знания, оценочно-эмоциональных компонентов сознания личности. Кроме того, отсюда можно сделать вывод и о том, что смысл не содержится непосредственно в тексте, а является производным от процесса понимания, в котором он, собственно, и возникает как некоторая субстанция. Этот вывод возникает как объективное следствие, вытекающее из рассуждений автора, хотя оно и вступает в противоречие с некоторыми другими его положениями.

В работе Р.И. Павилениса (Павиленис 1983) смысл также помещается в экстралингвистическую сферу, сферу так называемых концептуальных систем, формирующихся в сознании носителей языка, и при этом считается, что так называемая «лингвистическая семантика» к нему отношения не имеет. При этом под концептуальными системами он понимает системы информации,

включающие знания и мнения о действительном и возможном положении дел в мире, аккумулирующие знания людей, приобретаемые в результате отражения ими окружающего мира. В результате семантическая проблематика языка, в частности теория смысла, погружается таким образом в проблематику анализа концептуальных систем и их взаимоотношений друг с другом и с объективной действительностью. При таком подходе человек – носитель языка рассматривается не как «исполнитель» некой абстрактно-абсолютной «семантики языка», а как активный субъект познания, наделенный индивидуальным и социальным опытом, системой информации о мире, на основе которой он осуществляет коммуникацию. В связи с этим автор видит задачу в том, чтобы проблему смысла обсуждать не в узком, специально лингвистическом аспекте, а как логико-гносеологическую проблему их понимания. Поэтому он считает, что проблема смысла должна здесь рассматриваться как поиск ответа на вопрос о том, что знает человек, когда он понимает выражение языка.

К представлению о смысле как экстралингвистическом явлении примыкает работа Н.А. Слюсаревой, хотя написана она была задолго до указанных выше философских работ (Слюсарева 1963) и не философом, а лингвистом. Н.А. Слюсарева считает, что смысл как явление безусловно связан с деятельностью мышления; он может быть выражен самыми различными средствами, находящимися в распоряжении человека. При этом такие средства могут находиться как внутри одного языка, так и принадлежать к разным языкам. Более того, они вообще могут быть неязыковыми: жест, мимика, движение руки, взгляд и др. Именно эти средства использует ребенок до овладения им языковой системой для выражения своих чувств, желаний и более сложных процессов. Смысл также может быть успешно передан различными невербальными средствами искусства. Все это дает основание Н.А. Слюсаревой сделать вывод о том, что смысл – это экстралингвистическое явление, имеющее место в сознании. Детализируя это общее положение, автор высказывает мысль о том, что смысл следует понимать как наличие связей между понятиями, которые, в свою очередь, являются связями, существующими между предметами в реальном мире. Поэтому смысл рассматривается здесь как явление, существующее в реальной действительности, отражаемой нашим сознанием.

Но в сознании существуют не только понятия, но и другие формы отражения действительности, например, представления. Все эти формы взаимосвязаны между собой, между ними существуют взаимопереходы. В связи с этим Н.А. Слюсарева уточняет представление о смысле: «Смысл может трактоваться как область, в которой осуществляется переход от низших форм мышления к высшим, причем не только в плане онтогенеза, но и филогенеза» (Слюсарева 1963, 199). К такому пониманию смысла близок и известный психолог Н.И. Жинкин: «Смысл – это то, что отражает наличную действительность» (Жинкин 1982, 131).

В языкознании интерес к проблеме смысла то активизировался, то затихал. При этом он рассматривался преимущественно как смысл слова в его противопоставлении значению. В этом отношении интересны результаты исследований, проведенных в плане так называемой «наивной семиотики». Например, в работе И.М. Кобозевой ставится задача реконструировать через анализ обыденного употребления слов «смысл» и «значение» соответствующие концепты «наивной семиотики». Анализ различных высказываний, содержащих данные слова, показывает «отчетливую тенденцию к противопоставлению значения как закрепленного за данной единицей языка относительно стабильного во времени и инвариантного содержания, знание которого входит в знание языка, смыслу как связанной со словом информации, изменчивой во времени, варьирующейся в зависимости от свойств коммуникантов, знание которой не обязательно для знания языка» (Кобозева 1994, 184). При этом отмечается, что определения к значению крайне редки, в то время как смысл имеет разветвленную систему определений. Поскольку значение – это конвенциональная данность, то его можно *устанавливать* и затем *знать*, в то время как смысл нечто изменчивое, нерегламентированное, вследствие чего его приходится *искать*, *улавливать*, *разгадывать*, *подбирать ключи к раскрытию* и т.п. Поэтому делается вывод, что приобрести знак может и значение, и смысл, но наполниться он может только смыслом. Здесь противопоставление смысла значению осуществляется как противопоставление конкретно ситуативного (прагматического) содержания сообщения его абстрактному языковому содержанию.

Обобщенные данные, характеризующие смысл в плане противопоставления его значению, содержатся в работе А.В. Бондарко (Бондарко 1978). Они представлены в виде следующих оппозиций.

Значение представляет собой содержательную сторону некоторой единицы данного языка, тогда как смысл (один и тот же) может быть передан разными единицами в данном языке. Кроме того, он может быть выражен не только языковыми, но и неязыковыми средствами.

Значение той или иной единицы представляет собой элемент языковой системы, тогда как конкретный смысл – это явление речи, имеющей ситуативную обусловленность.

Из связи значений с языковыми единицами и с системой данного конкретного языка вытекает проявление неуниверсальности языкового значения. Значения единиц разных языков могут не совпадать по своей содержательной характеристике, по объему, по месту в системе. Что же касается смысла, то он не зависит от различий между языками. По своей природе он является универсальным, представляющим инвариантное содержание отражательной деятельности человека.

Возможность выражения в речи бесконечного количества новых смыслов связана с такими фактами, как нетождественность содержания, выражаемого сочетаниями языковых единиц, простой суммой их значений, ситуативная обусловленность смыслов, участие не только языкового, но и неязыкового знания в формировании смысла.

Во взаимодействии значения и смысла существенны отношения средства и цели: языковые значения служат средством для выражения смысла в том или ином конкретном высказывании.

Значения языковых единиц в акте речи и передаваемый смысл находятся в отношении перекодирования.

Проблема смысла рассматривается в лингвистике также и при обращении к исследованию такой единицы, как предложение, где понятие смысла связывается преимущественно с явлением предикации. Тем самым он рассматривается как оппозиция языкового и речевого, языкового и коммуникативного. Эта тенденция усиливается еще в большей степени при переходе к тексту как сложной коммуникативной единице. При этом в лингвистике текста, где основное внимание сосредоточено на формальных средствах связи

предложений и выделения на этой основе целостных фрагментов (сверхфразовых единств), смысл играет вспомогательную роль, отождествляясь с той информацией, которая сообщается в таких целостных образованиях, со знанием, содержащемся в них (Откупщикова 1982). При этом иногда смысл такого рода единств противопоставляется целому тексту. Так, например, И.Р. Гальперин предлагает считать смыслом только то, что сообщается в отдельном фрагменте, а применительно к целому тексту, по его мнению, следует говорить о содержании. «Содержание применительно к тексту приобретает свое терминологическое употребление, отличное от понятий “смысл” и “значение”. Содержание как термин грамматики текста будем относить лишь к информации, заключенной в тексте в целом; смысл – к мысли, сообщению заключенным в предложении или в сверхфразовом единстве; значение – к морфемам, словам, словосочетаниям...» (Гальперин 1981, 20).

В работах, посвященных анализу текста с коммуникативной и когнитивной точек зрения, смысл обычно рассматривают как то ментальное образование, которое формируется в результате его понимания. При этом различают такие виды смысла, как: «поверхностный», «глубинный», «предметный», «образный», «личностный», «речевой», «идейный» и др. Иногда здесь смысл противопоставляется содержанию (Новиков 1983, Брудный 1986 и др.). Такой терминологический «разброс» особенно характерен для тех работ, предметом исследования в которых является художественный текст.

Э.Д. Сулейменова в своей работе, специально посвященной проблеме смысла, отмечает, что противопоставление смысла и значения, во многих случаях осуществляется как противопоставление языка и речи. Она делает предположение, что в рамках такого подхода сформировалось и представление о том, что значение (как языковая категория) характеризует сугубо номинативные единицы в противоположность коммуникативным единицам, где категорию значения заменяет категория смысла. В противоположность таким представлениям автор высказывает мысль о том, что ни категория значения, ни категория смысла не могут существовать отдельно и быть представлены в языковых единицах различной коммуникативной потенции. «Значение и смысл формируются

и функционируют только в единстве, будучи взаимосвязаны не только генетически, но и функционально» (Сулейменова 1989, 144).

Подводя итог, Э.Д. Сулейменова выделяет следующие основные характеристики смысла: недоступность смысла в прямом наблюдении; инвариантность смысла, выражающаяся в возможности перефразирования, иносказания, любых других преобразований, осуществляемых в любом языке; актуальность смысла, его ситуативность и субъективность; неполная эксплицируемость смысла так же, как и недоступность полному восприятию; концептуальность смысла, его включенность в единую (общечеловеческую) систему знаний (картину мира) и возможность существования над языками.

Рассмотренные здесь работы не отражают и малой доли существующих исследований, где в той или иной степени затрагивается проблема смысла. Но даже такой далеко не полный анализ является вполне достаточным, с нашей точки зрения, чтобы составить общее представление о некоторых тенденциях, которые сформировались при исследовании смысла.

Прежде всего следует отметить высокую степень повторяемости некоторых характеристик смысла, что должно свидетельствовать об их существенности, значимости для определения данного понятия. Но эта повторяемость, к сожалению, существует не на всем пространстве рассмотренных случаев: в логико-философских работах общими являются одни характеристики, в лингвистических – другие. С большой натяжкой общей точкой пересечения можно считать то, что смысл соотносится с информацией, знанием. Но для логико-философского подхода характерно соотносить эту информацию с концептуальными системами, структурами знаний, социальным и индивидуальным опытом индивида, являющегося активным субъектом познания. Лингвистический подход в явном или неявном виде базируется на представлении о том, что эта информация (смысл) непосредственно содержится в высказывании, в тексте, а потому постижение смысла представляется чем-то похожим на вычисление, выведение его в результате выполнения каких-то операций. Наиболее общими характеристиками смысла, выделяемыми в рамках лингвистического подхода, являются его универсальность, инвариантность, но в то же время его ситуативная обусловленность, изменчивость и вариативность.

Все эти характеристики выводятся из ситуации как внутриязыковых, так и межъязыковых синонимических преобразований, перефразирований, различного рода трансформаций. Но все это является лишь способами обнаружения факта существования смысла, фиксации момента перехода на смысловой код, но не касается непосредственно самого смысла, его субстанции. В отличие от этого логико-философский подход, соотнося смысл со сферой мышления, сознания человека, с определенными единицами этой сферы представлениями, концептами, системой понятий, определенными эмоциональными состояниями человека, делает попытки исследовать смысл на субстанциональном уровне.

Отсюда можно сделать вывод: возможной причиной многообразия характеристик смысла, большого их разброса, существующей несогласованности их между собой, а иногда и противоречивости, является то, что в разных случаях рассматриваются разные грани смысла, различные его проявления в разных ситуациях. Если в одних случаях имеется в виду субстанциональная сущность смысла, то в других – способы его программирования в тексте, в третьих – закономерности декодирования и др.

Это означает, что необходимо предпринять усилия, чтобы четко осознать эти разные «лики» смысла, развести их между собой с тем, чтобы подобрать адекватные методы исследования для каждого из них. Решению такого рода задачи, с нашей точки зрения, может способствовать выявление и систематизация некоторых противоречий, которые обнаруживаются при анализе характеристик смысла и представляют собой определенные оппозиции. Такие оппозиции, с нашей точки зрения, сами могут рассматриваться как дихотомические признаки, в какой-то мере способствующие уточнению и конкретизации данного понятия.

1. Считается, что целостный смысл представляет собой результат понимания текста, управляемого и направляемого соответствующими языковыми средствами этого текста. В то же время считается также, что смысл как целое оказывает обратное влияние на осмысление языковых единиц текста. Если смысл как целое в процессе восприятия еще не сформирован, то как он может влиять на осмысление языковых единиц текста? Если он уже сформирован, то зачем нужно такое осмысление?

2. Считается, что глубина, точность и адекватность понимания достигаются при переходе к смысловому уровню восприятия. В то же время смысл характеризуется текучестью, изменчивостью, синкретичностью. Как может достигаться какая-то точность, однозначность, определенность понимания при таком способе фиксации его результата?

3. Считается, что смысл характеризуется инвариантностью. В то же время он характеризуется ситуативной обусловленностью, субъективностью, вариативностью. Как могут сочетаться инвариантность и вариативность?

4. Считается, что смысл выводится и тем самым как бы извлекается из текста в результате его понимания. В то же время существует представление о том, что сущность понимания заключается в приписывании смысла тексту. Речь идет о взаимоисключающих процедурах, или взаимодополняющих?

5. Если считается, что смысл не «конструируется» в процессе понимания, а лишь приписывается, то следует признать, что в памяти должен храниться полный набор готовых смыслов и задача заключается лишь в том, чтобы актуализировать соответствующий данному тексту смысл. В то же время смысл характеризуется тем, что его необходимо «искать», «улавливать», «разгадывать», что, несомненно, свидетельствует о не рутинном, а творческом характере этого процесса.

6. Считается, что смысл принадлежит сфере сознания. Но в то же время он характеризуется целостностью, недискретностью, неразложимостью на составляющие, неполной эксплицитностью, а следовательно, недостаточной осознаваемостью. Должно ли это свидетельствовать о том, что смысл локализуется не только в сфере сознания, но и в сфере подсознания?

7. Считается, что смысл является результатом понимания, его конечной целью. В то же время говорят о понимании на основе смысла, т.е. имеется в виду, что он выступает в качестве инструмента понимания, а не его результата. Это один и тот же смысл, или речь идет о каких-то разных видах смысла? Как соотносятся между собой смысл-инструмент и смысл – результат понимания?

Формулировка данных оппозиций сознательно упрощена и в определенной степени заострена для того, чтобы сделать более наглядными те противоречия, которые мы считали необходимым

зафиксировать здесь. Количество таких оппозиций, очевидно, превышает число семь, но в данной работе мы решили ограничиться этим числом. Ответы на поставленные вопросы в одних случаях могут оказаться достаточно простыми, в других же случаях это может потребовать проведения специальных исследований. Во всяком случае, все это может служить той основой, на которой может сформироваться некоторая программа исследований, направленная на уяснение сущности смысла, на выявление общих оснований данного понятия, не зависящих от междисциплинарных «перегородок».

В заключение выскажем гипотезу о том, что интегративным признаком смысла может служить явление, в чем-то аналогичное явлению доминантности в том понимании, которое вкладывал в него известный физиолог А.А. Ухтомский. «Доминанта – временно господствующий очаг возбуждения в центральной нервной системе, способный оказывать тормозящее влияние на другие его участки...» (Советский энцикл. словарь 1980, 411). Конечно, здесь необходимо сделать поправку на то, что применительно к смыслу прежде всего следует иметь в виду сам принцип доминантности.

Во всякой своей деятельности человек ищет смысл, который служит ему и целью, и стимулом, и средством. «Человек стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию или вакуум, если это стремление остается нереализованным» (Франкл 1990, 11). Нахождение смысла во многом определяется той задачей, которую человек вынужден решать в тех или иных жизненных обстоятельствах. Появление в сознании доминанты, возможно, подобно нахождению «функционального решения» в процессе переструктурирования проблемной ситуации, о котором писали представители гештальт-психологии (Дункер 1965). Об этом же пишет и В. Франкл: «Процесс нахождения смысла подобен нахождению гештальта» (Франкл 1990, 11). Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство. Нахождение таких доминант, возможно, и есть переход на смысловой код, который непосредственно не наблюдаем, но осознается как таковой всеми. Применительно к тексту внешним проявлением такой доминантности, очевидно, является оперирование такими единицами, как ключевые слова, смысловые вехи, опор-

ные пункты, создающие своеобразный «рельеф» формирующегося в сознании семантического пространства.

Литература

- Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Брудный А.А.* Текст как форма существования знания // Знание, понимание, действительность. Фрунзе. 1986.
- Дункер К.* Психология продуктивного мышления. М., 1965.
- Васильев С.А.* Синтез смысла при создании и понимании текста. Киев. 1988.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гусев С.С., Тульчинский Г.Л.* Проблема понимания в философии. М., 1985.
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М., 1982.
- Кобозева И.М.* «Смысл» и «значение» в «наивной семиотике» // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1994.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Логический словарь-справочник / под ред. Н.И. Кондакова. М., 1975.
- Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
- Откупщикова М.И.* Синтаксис связного текста. Л: ЛГУ, 1982.
- Павленис Р.И.* Проблема смысла. М., 1983.
- Словарь русского языка : в 4 т. М., 1984.
- Словарь русского языка. М., 1987.
- Советский энциклопедический словарь. М., 1980.
- Слюсарева Н.А.* Смысл как экстралингвистическое явление // Как построить интересный урок иностранного языка. М., 1963.
- Сулейменова Э.Д.* Понятие смысла в современной лингвистике. Алма-Ата, 1989.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
- Чупина Г.А.* Философия осознания: проблема смысла // Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века. Иваново, 1994.